

ПРОБЛЕМА СЛОВА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Алпатов Владимир МихайловичДиректор Института языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский переулок, 1
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

Слово – центральная единица лингвистики, основанной на европейской традиции. В то же время определение слова и критериев для его выделения оказываются затруднительными. Сопоставление европейской традиции с другими показывает, что некоторая базовая, центральная единица имеется в каждой из них, но ее лингвистические свойства и критерии ее выделяемости могут не совпадать. Каждая традиция, включая и европейскую, основана на интуиции носителя соответствующего языка, то есть на неосознанном влиянии его психолингвистического механизма. Поэтому для решения проблемы «Что такое слово?» стоит выйти за пределы «чистой» лингвистики и обратиться к вопросу о том, на чём основаны эти представления. Косвенные, но очень значимые данные для понимания этого вопроса дает изучение речевых расстройств (афазий) и исследование детской речи. Эти данные показывают, что в мозгу имеются, по крайней мере, три механизма: хранения единиц (лексический механизм), сочетания единиц (синтаксический механизм) и преобразования базовых единиц в небазовые (морфологический механизм). В этом проявляется фундаментальное противопоставление грамматики и словаря. Различия между ними связаны с тем, что словарные единицы хранятся в языковой памяти как готовые к употреблению, а единицы, в образовании которых участвуют грамматические правила, строятся в момент речи. Понятие слова – модель словарной единицы, которая может иметь разные лингвистические свойства в зависимости от строя языка, на котором основана традиция.

Ключевые слова: слово, лингвистические традиции, афазии, детская речь, словарные единицы, синтаксис, морфология, психолингвистика.

Я ни в коем случае не могу относить себя к специалистам по психолингвистике. Однако исследование проблемы слова (а также проблемы частей речи) привело меня к пониманию того, что основные единицы, выделяемые в науке о языке, в первую очередь слово, отражают реальные механизмы мозга, изучаемые психолингвистикой, одним из ведущих специалистов в которой является Наталья Владимировна Уфимцева.

Нет необходимости говорить о том, насколько большое место занимает понятие слова в лингвистике. Приведу лишь несколько высказываний ученых разных времен и стран. «Слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка» [Соссюр: 143]. «Слово (применительно к любому языку) представляет собой едва ли не единственную единицу, представление о которой имеет любой говорящий, даже неграмотный, чего нельзя сказать... о других, значимых единицах, больших и меньших слова» [Кузнецов: 75]. «Слово – основ-

ная единица естественного языка» [Мельчук: 7]. «В традиционной грамматике (с точки зрения, преобладающей по крайней мере в западной культуре), основным строительным блоком является слово» [Даль: 313]. Понятие слова появилось в европейской лингвистической традиции, начиная с ее истоков в античности, и сохраняет свое значение до сих пор, хотя в некоторых направлениях современного языкознания появилась тенденция отводить слову меньшее место, а то и отрицать его значимость [Haspelmath 2011]. Надо также отметить и то, что в других лингвистических традициях также присутствует некоторая базовая единица лексики, являющаяся в большинстве традиций (кроме китайской) одновременно и базовой единицей грамматики,

Столь же хорошо известно, что многочисленные попытки строгого определения слова связаны со значительными трудностями. «Уже предложено бесчисленное количество определений слова, которые существенно отличаются друг от друга и редко использовались кем-нибудь, кроме (и то не всегда) самих их авторов.... Сама возможность появления приемлемой для большинства лингвистов дефиниции слова представляется, по крайней мере, сейчас, довольно сомнительной» [Шмелев: 35]. «Несмотря на выдающуюся роль понятия слова в нашем повседневном осмыслении языка, наше понимание природы слов все еще ограничено» [Даль: 308].

Кроме того, базовые единицы других традиций по своим лингвистическим характеристикам могут отличаться от того, что мы привыкли называть словом. В китайской традиции они соответствуют корням, а в японской традиции знаменательные единицы чаще всего сходны с тем, что мы называем основой слова, тогда как в число служебных базовых единиц попадает и большинство грамматических аффиксов [Алпатов 2005: 33-36].

Представляется, что продвинуться в изучении проблемы слова можно, если обратиться к психолингвистическому механизму человека. Интуиция носителей различных языков недоступна прямому наблюдению, а непосредственное изучение речевых процессов мозга, лежащих в ее основе, крайне затруднительно и сейчас, в начале XXI века, делает лишь первые шаги. Однако косвенные, но очень значимые данные для их понимания дает изучение речевых расстройств (афазий) и исследование детской речи.

При афазиях выходят из строя те или иные участки мозга, вследствие этого «не возникает новых единиц, хотя могут выпадать отдельные звенья исходной системы и нарушаться правила функционирования языковых единиц» [Касевич: 102]. Разные виды афазий рассматривались в классической книге [Лурия]. Один вид афазии А.Р. Лурия назвал «телеграфный стиль». Такие больные сохраняют способность произносить изолированные слова и не теряют словарный запас, но не могут произносить их сочетания; на уровне отдельных слов происходит и восприятие [Лурия: 76-77]. Служебные слова не употребляются, используются (кроме отдельных штампов) лишь формы именительного падежа единственного числа (реже именительного падежа множественного числа) существительных, инфинитива и 1-го лица единственного числа настоящего времени глаголов. Вот пример пересказа содержания фильма: «Одесса! Жулик! Туда... учиться... море... во... во-до-лаз! Армена... па-роход... пошло... ох! Батум! Барышня... Эх! Ми-ли-цинер... Эх!... Знаю!... Кас-са! Де-нег. Эх!... папиросы. Знаю... Парень... Пиво... усы... Эх... де-

нег. Микалай... Эх... Костюм... водолаз... Эх... маска... свет... эх... вверх... пошел... барышня» [Лурия: 91].

При другом виде афазии происходит во многом обратный процесс: сохраняется способность сочетать слова, однако сам механизм хранения слов в памяти нарушен. «Наиболее абстрактные слова словаря, а также чисто аналитические единицы, такие как союзы, предлоги, местоимения, артикли, лучше всего сохраняются и чаще употребляются в речи больных, фокусированных на контексте» [Лурия: 133, 141]. Могут также сохраняться хорошо знакомые, привычные слова, воспринимаемые «иероглифически» при невозможности расчленить их на звуки или буквы. Так, больная данным видом афазии журналистка не могла назвать буквы, зато без затруднений произносила слова *«Правда», СССР, Москва, «Известия», революция, колхоз, фашизм* и др. [Лурия: 113-114]. Речь таких больных состоит из коротких фраз с правильным употреблением грамматических форм и крайней бедностью лексики. Вот рассказ больного о ранении и о том, что до ранения он хорошо говорил: «Мне прямо сюда... и всё... вот такое – раз. Я не знаю... вот так вот... И уже не знаю... Когда я тут – и никак... ничего... никак... Сейчас ничего... А то – никак... Я когда-то... ох-ох-ох! Хорошо! А сейчас никак» [Лурия: 133].

См. также исследования Д.Л. Спивака, изучавшего процесс постепенного выхода из строя речевого механизма при инсулиновой терапии [Спивак 1980; Спивак 1983; Спивак 1986]. При лечении инсулином происходит как бы искусственная афазия, которую можно дозировать и исследовать на разных этапах. Речевой механизм временно выходит из строя, происходит это постепенно, однако на всех этапах слова, как правило, сохраняются, не заменяясь ни на части слов, ни на словосочетания, хотя актуальные для больного штампы могут сливаться в единый комплекс: *лечаще'врач, у лечаще'врача* [Спивак 1986: 27]. В то же время уже на самых первых стадиях афазии больные не могут преобразовать в прошедшее время бессмысленные слова с реальными окончаниями глаголов настоящего времени. [Спивак 1980: 143-144; Спивак 1986: 27]. Слова постепенно становятся неразложимыми на морфемы, возрастает роль порядка слов, в том числе актив и пассив начинают различаться в зависимости от словоупотребления: фраза *Девочка написать письмо* воспринимается в значении *Девочка написала письмо* [Спивак 1980: 146]. Одновременно сокращается и словарный запас.

Важны также исследования коллектива, основанного Л.Я. Балоновым и В.Л. Деглиным и ныне возглавляемого Т.В. Черниговской. Эти специалисты наряду с экспериментальным исследованием афазий носителей разных языков ведут и непосредственные исследования речевых механизмов мозга. Экспериментально подтверждено, что среди носителей русского языка «даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания, не оставляя глагол морфологически неоформленным» [Черниговская и др. : 15; Черниговская: 168]. Разумеется, это относится не только к глаголам, но и к именам. А при нарушениях механизмов мозга «морфологические процедуры почти не производятся: в ментальном лексиконе слова хранятся целиком, списком, без осознания их структуры» [Черниговская: 147]. Отмечается «невозможность оперировать служебными морфемами» при афазиях [Черниговская: 167].

Все эти исследования подтверждают центральную роль слова в порождении речи. Такой вывод сделал еще А.Р. Лурия: «Основным динамическим единством нормальных артикуляторных процессов является слово» [Лурия: 84].

Среди лингвистов на необходимость учета данных афазий при решении проблемы слова более тридцати лет назад указал А.Н. Головастиков, интерпретировавший вышеупомянутый «телеграфный стиль» (ТС) [Головастиков: 42-43]. Он отмечал: «Образование словоформ от одной исходной словоформы, а не непосредственно от основы, больше соответствует обыденным представлениям носителя языка. ... Очень вероятно, что многие словоформы... хранятся в человеческом мозгу в готовом виде, хотя наряду с этим могут быть и синтезированы» [Головастиков: 43]. Важно и такое наблюдение: «Лингвистически необразованный носитель русского языка ни при каких обстоятельствах, в том числе и при афазии любого типа, не произносит флексию без основы или основу без флексии (если она не совпадает с одной из форм – ср. *стол, коров*), которая может вообще не восприниматься как что-то относящееся к русскому языку: ср. *ид-, ш-, ст-, не-* (в *идти, шла, сто, неть*). Аналогично, при исправлении неправильно услышанной собеседником формы слова (напр., *палку* вместо *палкой*) обычный носитель повторит: «палкой!». ... в лучшем случае «палкой» или «кой», но никогда «ой» (т.е. флексию без основы). Не так обстоит дело, например, с предлогами: при исправлении может быть сказано «в, а не на». Подобные факты свидетельствуют о неразрывности основы и флексии» [Головастиков: 44].

Вывод А.Н. Головастикова: в человеческом мозгу в готовом виде хранятся некоторые исходные словоформы, единые и неразрывные независимо от возможности их членения на морфемы; неисходные словоформы образуются от исходных. К подобным выводам приходит и Т.В. Черниговская: «Можно говорить о «слоях», составляющих язык: это *лексикон* – сложно и по разным принципам организованные списки лексем, словоформ и т.д.; *вычислительные процедуры*, обеспечивающие грамматику (морфологию, синтаксис, семантику и фонологию), механизмы членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматика» [Черниговская: 631].

В то же время отдельный уровень морфем (как, вероятно, и уровень словосочетаний) не выделяется: ни при каких видах афазий больные не оперируют морфемами, а способность делить слово на значимые части, несомненно существующая у здоровых носителей языка (без нее нельзя было бы образовать новые слова путем деривации или композиции), быстро исчезает при афазиях.

Материалам исследования афазий полностью соответствуют и исследования детской речи, ставшие в последнее время очень активными, в том числе и в России [Цейтлин 2000; Цейтлин 2009]. Если при афазиях теряются те или иные компоненты речевого механизма, то у детей этот механизм постепенно формируется. Исследователи отмечают, что на раннем этапе развития (когда уже пройдена стадия произношения отдельных звуков и слогов) сначала возникают слова-предложения. В это время грамматически полные фразы составляют лишь небольшой процент высказываний; при восприятии речи также из высказываний окружающих выхватываются отдельные слова, на которые происходит реакция [Лурия, Юдович: 32-38]. Таким образом, на этом этапе есть слова, которые имеют вид «замороженных словоформ» [Цейтлин 2000: 84], но нет возможности соединять их [Лурия, Юдович:

38; Гринфилд; Кларк, Кларк: 356-365]. В частности «протоглаголы» «не обладают еще глагольными категориями и системой словоизменения, свойственным глаголам в нормативном языке. И тем не менее они выглядят как некие знакомые глагольные формы, поскольку содержат, кроме основы, еще и словоизменительные аффиксы» [Цейтлин 2000: 138]. Как правило, это те же словоформы, какие произносились афатиками при «телеграфном стиле». «Бесфлексийное использование слов вообще невозможно» [Цейтлин 2009: 112].

И на более поздних этапах развития у детей наблюдаются те же тенденции к пониманию слова как минимальной смысловой единицы. Пока не освоено словоизменение, ребенок исходит из грамматической роли порядка слов, ср. аналогичные явления при афазиях. Даже ребенок, с которым велись специальные занятия в течение года, испытывал трудности в различении фраз *Покажи ключом гребешок* и *Покажи гребешком ключ*; ребенок, с которым не велись занятия, вообще не был в состоянии различить эти фразы [Лурия, Юдович: 58]. По-видимому, через этот этап проходят все дети независимо от строя языка [Цейтлин 2000: 87; Цейтлин 2009: 109].

Поначалу в речи детей фигурируют лишь некоторые словоформы. Позднее появляются и другие грамматические формы, причем формы косвенных падежей с нулевым аффиксом позже всего. Данный этап характеризуется как формирования «механизма словоизменительной операции» [Цейтлин 2009: 34], «операции по созданию словоформы на основе парадигматических ассоциаций» [Цейтлин 2009: 81]. Дети приобретают способность образовать любую форму неизвестного слова [Цейтлин 2009: 61]. Представления о морфемах, «умение вычленять в составе словоформ значащие части» [Цейтлин 2009: 61] формируются намного позже: педагогам даже приходится специально разрабатывать методы обучения детей в школе членению на морфемы [Ждан, Гохлернер: 63-72], что не оказывается необходимым для членения на слова. У детей всё начинается со слов, тогда как при афазиях всё кончается словами.

Во всех приведенных для русского языка примерах слова – это словоформы. Но как здесь обстоит дело в других языках? Оказывается, что уже для английского языка ситуация несколько иная. На том этапе, когда русские дети говорят «замороженными словоформами», англоязычные дети говорят основами; американские исследователи отмечают «телеграфную речь» у этих детей, в которой отсутствуют аффиксы и служебные слова [Цейтлин 2000: 84; Цейтлин 2009: 112]. И у русских детей служебных слов на соответствующей стадии еще нет, но еще не вычленяемые аффиксы абсолютно необходимы. И исследования афазий, проведенные Т.В. Черниговской и ее сотрудниками, приводят к выводу, что в английском языке регулярные формы прошедшего времени с элементом *-ed* (который принято считать аффиксом) составляются из компонентов (производятся), а не хранятся в готовом виде (воспроизводятся); нерегулярные формы неправильных глаголов, однако, воспроизводятся [Черниговская и др.: 14; Черниговская: 167].

Многие исследователи, изучающие афазии и детскую речь на материале английского языка, приходят к выводу о «независимых механизмах порождения этих двух видов паттернов, согласно которым регулярные глаголы выводятся в соответствии с символическими правилами, а нерегулярные извлекаются из памяти целиком» [Черниговская: 151]. Однако «все эти гипотезы разрабатывались на мате-

риале английского языка.... Очевидно, что они не могут полностью применяться к языкам с более развитой морфологической системой» [Черниговская: 172]. «Можно предположить, что резкое противопоставление регулярного и нерегулярного механизмов в русском языке не является продуктивным» [Черниговская: 173]. Не связаны ли с этими различиями стремление англоязычных лингвистов избавиться от слова, не свойственное отечественным исследованиям, и ряд других отличий национальных вариантов традиции?

Исследования детской речи, проводимые в Японии, вполне подтверждают отдельность знаменательных слов в их традиционных для японской науки границах. У детей в ряде исследований выделяется период, когда речь состоит из отдельных знаменательных слов [Hayakawa 1982: 7-9; Hayakawa 1984: 1-2; Murata: 127-141]. Японские исследователи прямо делают вывод о том, что исследования детской речи соответствуют традиционным представлениям о главной единице языка [Yamada, Sustainabaagu: 65]. И те служебные элементы, которые в традиции считаются отдельными словами, сохраняют такой же статус в детской речи; они появляются, как и служебные слова европейских языков, относительно поздно [Hayakawa 1982: 9; Murata: 216; Hayakawa 1984: 3, 11]. То же небольшое количество грамматических аффиксов, которое признается традицией, также появляется в детской речи в качестве частей слов [Hayakawa 1984: 3-9; Murata: 197-198].

Итак, и для носителей японского языка нормой является хранение в памяти некоторых средних по протяженности единиц (больше морфемы, но меньше предложения), то есть слов; представление об этих единицах отражено в японской традиции; подробнее см. [Алпатов 2007].

Итак, исследования афазий и детской речи, с одной стороны, подтверждают наличие базовой психолингвистической единицы для языков различного строя, которая может быть названа словом, с другой стороны, показывают различия лингвистических свойств слов в разных языках. Можно считать: слова как норма хранятся в мозгу человека и в большинстве случаев в процессе речи берутся в готовом виде. Это не исключает возможности хранения в памяти более протяженных единиц от словосочетаний вроде *начальник радиостанции* до целых текстов. Единицы, хранящиеся в мозгу, не обязательно должны быть совершенно однородными по своим свойствам, это и обеспечивает разброс между разными лингвистическими определениями слова.

Тем не менее, хранение базовых слов в мозгу является нормой, что не исключает возможности хранения там и других единиц. Данные афазий показывают, что в мозгу имеются, по крайней мере, три механизма: хранения единиц (лексический механизм), сочетания единиц (синтаксический механизм) и преобразования базовых единиц в небазовые (морфологический механизм); последний свойствен разным языкам от русского до японского, но его существование, вероятно, свойственно не всем языкам, в отличие от двух других механизмов. При формировании языка у детей (как и, по мнению ряда исследователей, при появлении в прошлом человеческого языка) «модификация знака путем добавления к нему другого знака порождает синтаксис»; «модификация же знака путем изменения или добавления к нему элементов, не являющихся отдельными знаками, порождает морфологию» [Бурлак: 373]. Агглютинативные элементы и, по-видимому, некоторые флексивные

(что показывает пример японского языка) возникают путем добавления к знаку (первичной единице) элементов, не являющихся отдельными знаками; флексии древнегреческого, латинского, русского и отчасти японского языков возникают путем изменения знака.

Строго лингвистическое определение слова, которое полностью бы совпадало с традицией, по-видимому, невозможно: традиция не строго последовательна и стремится к комплексному пониманию слова. Но из этого не вытекает отказ от понятия слова, которое скорее надо понимать как психолингвистическое.

Литература

Алпатов В.М. История лингвистических учений. 4-е изд. М.: Языки славянских культур, 2005. 368 с.

Алпатов В.М. О психологической адекватности основных понятий европейской и японской лингвистической традиции // Лингвистическая полифония. Сборник в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 67-77.

Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 464 с.

Головастиков А.Н. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). М.: Институт востоковедения АН СССР, 1980. С. 41-45.

Гринфилд П.М. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. 370 с.

Даль Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. М., УРСС, 2009. 558 с.

Ждан А.Н., Гохлернер М.М. Психолингвистические механизмы усвоения грамматики родного и иностранных языков. М.: МГУ, 1972. 256 с.

Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Касевич В.Б. Труды по языкознанию. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 11-238.

Кларк Г., Кларк Е. Как маленькие дети употребляют свои высказывания // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. 370 с.

Кузнецов П.С. Опыт формального определения слова // Вопросы языкознания. 1964. №5. М.: Наука. С. 75-77.

Лурия А.Р. Травматическая афазия. М.: АМН СССР, 1947. 367 с.

Лурия А.Р., Юдович Ф.Я. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М., 1956.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. I. Слово. М.: Языки русской культуры, 1997. 392 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Наука, 1977. С. 31-273.

Спивак Д.Л. Искусственно вызываемые состояния измененного сознания (на материале инсулинотерапии) и их лингвистические корреляции // Физиология человека, 1980, №1. С. 141-147.

Спивак Д.Л. Язык в условиях измененных состояний сознания // Вопросы языкознания, 1983, №5. С. 43-49.

- Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., Наука, 1986. 92 с.
- Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., ВЛАДОС, 2000. 240 с.
- Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009. 592 с.
- Черниговская Т.В., Гор К., Свистунова Т.Н., Петрова Т.Е., Храковская М.Г. Ментальный лексикон при распаде языковой системы у больных с афазией: экспериментальное исследование глагольной морфологии // Вопросы языкознания. 2009. №5. С. 3-17.
- Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
- Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation, and the Nature of Morphology and Syntax. *Folia Linguistica*. Vol. 45 (2011), No 1. P. 1-34.
- Hayakawa Katsuhirou. Yooji gengo ni okeru tagobun dankai no koosatsu. *Gakudai-kokubun*, 25. Oosaka, 1982. P. 1-30.
- Hayakawa Katsuhirou. Iku doogo no hyoogengaku. *Hyoogen-kenkyuu*, Vol. 40. Nagoya, 1984, pp. 1-9.
- Murata Kooji. *Nihon no gengo hattatsu kenkyuu*. Tokyo, 1984. 239 p.
- Yamada Jun, Sustainbaagu Danii D. Yomi no gakushuu wa dono gengo tan'I kara hajimerubeki ka. *Dokushoo-kagaku*, Vol. 27, No 2. Tokyo, 1983, pp. 62-67.

PROBLEM OF WORD AND PSYCHOLINGUISTICS

Alpatov Vladimir M.

Head of Institute of Linguistics RAS
125009, Moscow, B.Kislovskiy per., 1
e-mail: v-alpatov@ivran.ru

Word is the central unit of linguistics founded on the European tradition. However the definition of word and its singling out are very difficult. The comparison of the European tradition with the other ones shows that every tradition has some basic unit but its peculiarities and criteria for its singling out can be different. Every tradition including the European one is based on the intuition of speakers, i.e. on some influence of their psycholinguistic mechanism, but this influence is not realized. It is expedient to go beyond the limits of the "pure" linguistics for the decision of the problem "What is word?" and investigate the question of the psycholinguistic foundations of word. The study of aphasia and children's speech gives indirect but very significant data for the understanding of this question. These data show that there are three mechanisms in the human brain: the lexical mechanism of the keeping of basic units (words), the syntactic mechanism of its combination and the morphological mechanism of transformation (inflection) of the basic

units. This difference reflects the fundamental opposition of grammar and lexicon. The units of lexicon are kept in the memory as ready parts of discourse but the other units are built in the process of speech. The concept of word is a model of the unit of lexicon; its peculiarities can be different depending on the system of the language of tradition.

Keywords: word, linguistic tradition, aphasia, children's speech, units of lexicon, syntax, morphology, psycholinguistics.

References

Alpatov V.M. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy [History of linguistic studies]. Ed. 4. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2005. 368 p.

Alpatov V.M. O psikhologicheskoy adekvatnosti osnovnykh ponyatiy evropeyskoy i yaponskoy lingvisticheskoy tradicii [On the psychological adequacy of the basic concepts of European and Japanese linguistic tradition]. *Lingvisticheskaya polifoniya* [Linguistic polyphony]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007, pp. 67-77.

Burlak S. Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy [The origin of language. Facts, research, hypothesis]. Moscow: Astrel, 2011. 464 p.

Golovastikov A.N. K probleme psikhologicheskoy adekvatnosti modeley russkogo slovoizmeneniya [To a problem of psychological adequacy Russian inflection models]. *Tezisy rabochego soveshchaniya po morfeme* [Proceedings of the workshop on morpheme]. Moscow: Institut vostokovedeniya AN SSSR [Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR], 1980, pp. 41-45.

Grinfeld P.M. Informativnost, presuppozitsiya i semanticheskiy vybor v odnoslovnnykh vyskazyvaniyakh [Informative, presupposition and semantic choices in single-word utterances]. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Progress, 1984. 370 p.

Dal E. Vozniknovenie i sokhranenie yazykovoy slozhnosti [The emergence and preservation of linguistic complexity]. Moscow: URSS, 2009. 558 p.

Zhdan A.N., Gokhlerner M.M. Psikholingvisticheskie mekhanizmy usvoeniya grammatiki rodnogo i inostrannykh yazykov [Psycholinguistic mechanisms of mastering the grammar of the native and foreign languages]. Moscow: MGU [MSU], 1972. 256 p.

Kasevich V.B. Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniya [Phonological problems of general and oriental linguistics]. *Trudy po yazykoznaniyu* [Proceedings on linguistics]. SPb.: SPbGU [SPbU], 2006, pp. 11-238.

Klark G., Klark E. Kak malenkie deti upotrebyayut svoi vyskazyvaniya [Like little children use their statements]. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Progress, 1984. 370 p.

Kuznecov P.S. Opyt formalnogo opredeleniya slova [Experience a formal definition of the word]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 1964. no 5, pp. 75-77.

Luriya A.R. Travmaticheskaya afaziya [Traumatic aphasia]. Moscow: AMN SSSR [The academy of medical sciences USSR], 1947. 367 p.

Luriya A.R., Yudovich F.Ya. Rech i razvitie psikhicheskikh processov u rebenka [Speech and the development of mental processes in the child]. Moscow: 1956.

Melchuk I.A. Kurs obshchey morfologii. T. I. Slovo [General morphology course. Vol. I. Word]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997. 392 p.

Sossyur F. de. Kurs obshey lingvistiki [Sheathe linguistics course]. Trudy po yazykoznaniyu [Proceedings on linguistics]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 31-273.

Spivak D.L. Iskusstvenno vyzyvaemye sostoyaniya izmenennogo soznaniya (na materiale insulinoterapii) i ikh lingvisticheskie korrelyatsii [The artificially induced state of altered consciousness (in the insulin material) and their linguistic correlation]. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 1980, no. 1, pp. 141-147.

Spivak D.L. Yazyk v usloviyakh izmenennykh sostoyaniy soznaniya [The language in the conditions of altered states of consciousness]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1983, no 5, pp. 43-49.

Spivak D.L. Lingvistika izmenennykh sostoyaniy soznaniya [Linguistics altered states of consciousness]. Leningrad: Nauka, 1986. 92 p.

Ceytlin S.N. Yazyk i rebenok: Lingvistika detskoy rechi [Language and child: the child's speech Linguistics]. Moscow: VLADOS, 2000. 240 p.

Ceytlin S.N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoy rechi [Essays on word-formation and morphogenesis in the child's speech]. Moscow: Znak, 2009. 592 p.

Chernigovskaya T.V., Gor K., Svistunova T.N., Petrova T.E., Khrakovskaya M.G. Mentalnyy leksikon pri raspade yazykovoy sistemy u bolnykh s afaziey: eksperimentalnoe issledovanie glagolnoy morfologii [The mental lexicon in the decay of language system in patients with aphasia: an experimental study of verbal morphology]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 2009. no 5, pp. 3-17.

Chernigovskaya T.V. Cheshirskaya ulybka kota Shryodingera: yazyk i soznanie [Schrödinger cat Cheshire smile: language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2013. 448 p.

Shmelev D.N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki [Problems of semantic analysis of language]. Moscow: Nauka, 1973. 280 p.

